

Ивакин А.А.,

*доктор философских наук, зав. кафедрой философии
Национального университета «Одесская юридическая академия»*

МНОГОГРАННОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ФЕНОМЕНА И ПОНЯТИЯ ИДЕАЛЬНОГО

Аннотация. Отрицание онтологической универсальности идеального, основанное на толковании его как феномена, связанного исключительно с человеческой деятельностью, далеко не безобидно, ибо, в конечном счете, приводит к трактовке смысла человеческой жизни только с позиций индивидуального, либо же коллективного эгоизма. Опираясь на идеи Спинозы, Лейбница, Гегеля, Тейяра де Шардена и других философов, стремившихся доказать, что идеальное глубоко и повсеместно укоренено в Универсуме, автор статьи свои поиски универсального основания идеального связывает с феноменом отражения.

Ключевые слова: идеальное, идеал, отражение, материальное, универсальное, сущность, субстанция, атрибут, модус.

Задача, стоящая перед автором этой статьи — внести посильную лепту в опровержение двух укоренившихся в литературе тезисов, безмерно ограничивающих мировоззренческое значение феномена и понятия «идеального».

Первый из этих тезисов можно условно назвать «разделяющим». Содержание его в том, что идеальное, понимаемое как идеал, считается чем-то самостоятельным, независимым от идеального, понимаемого как принципиально недоступный для чувственного восприятия суть или смысл того или иного материального тела. Второй тезис можно назвать «умалющим». Содержание его заключается в том, что идеальное — это нечто вторичное, всего лишь некий продукт развития материи, возникающий и существующий только в социальной сфере действительности.

Начнем наш разговор с критического анализа первого тезиса, не выходя пока что за пределы идеального, пребывающего внутри социума. Приведем три известных и, на первый взгляд, совершенно отличающихся друг от друга, понимания идеального:

1. Идеальное, взятое непосредственно, предстаёт перед каждым из нас как нечто субъективное. Это — некий отпечаток в коре головного мозга (субъективный образ объективной реальности). Стоит только подумать о чем-то и — вот он, хранящийся в нашей памяти отпечаток того, о чем мы подумали. И такой образ доступен каждому субъекту только как бы изнутри самого себя. Если же ученый-физиолог начнет изучать чей-то головной мозг извне, то в нем он никаких образов не увидит. И, тем не менее, этот образ не является неким сугубо физиологическим или психическим продуктом деятельности индивида, он есть «факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства» [1, с. 219].

2. Идеальное — это способность человека мысленно двигаться по логике реальных вещей. Например, хирургу завтра предстоит сложная операция, а сегодня он думает о ней, планируя все свои действия в их последовательности и в деталях, то есть, предварительно проделывая эту операцию в своем воображении, мысленно двигаясь по логике предмета завтрашнего своего реального труда.

3. Идеальное — это высшая форма совершенства. Идеальный человек, идеальное государство. Любая идеально созданная вещь. Гений, мастер, — они ведь не просто двигаются по логике реального предмета, но делают это, в отличие от многих своих коллег, *самым наилучшим образом*. В результате их деятельности возникает шедевр, образец для подражания, одним словом, — *идеальное воплощение идеального*.

Чтобы доказать, что выделенные курсивом слова — это не тавтология, необходимо собрать все эти разрозненные, и в силу этого абстрактные, формы проявления идеального в единую систему. Ведь истина всегда конкретна, а конкретное — это единство многообразного.

Вообразим себе что-то всем очень хорошо известное. Внимательный человек легко заметит, что такой субъективный образ не является неподвижной картинкой. Если, скажем, мы вообразим себе корову, то в этом образе мы увидим и присущую ему динамику, и разнообразие составляющих его моментов, в том числе — присутствие нашего умения иметь с этим животным дело. И в этом аспекте окажется, что идеальный образ коровы у человека, который только и знает, что корова дает молоко, но, чего доброго, может и забодать, весьма несовершенен, в отличие от идеального образа того же животного у зоотехника, который знает о корове куда как больше и не просто знает, но и умеет с ней обращаться как специалист. В первом случае, мы имеем дело всего лишь с абстрактным представлением коровы, во втором случае — мы имеем дело с конкретным понятием, то есть с отражением в субъективном образе — объективной сущности данного домашнего животного. Отражение в таком случае является идеальным не только потому, что оно противостоит своему материальному объекту, но и потому, что оно достигает высшей степени адекватности.

Зоотехник или хирург, или любой другой специалист способны гораздо более успешно, чем человек, не владеющий такими специальными знаниями, двигаться по логике строения и поведения того или иного существа или вещества так, чтобы достичь поставленной каждым из них перед собой цели.

Итак, мы видим, что идеальное — это *потребность* и *способность* двигаться по логике данного предмета и достигать поставленную цель. Рассмотренное таким образом «идеальное» перестаёт быть определением без определяемого и в социальной форме бытия становится *идеальной формой деятельности человека*.

Логика предмета зоотехника и логика предмета хирурга в чем-то одинаковы, а в чем-то специфичны. И ту и другую приходится осваивать в процессе длительного и серьезного обучения. При этом специалист стремится достичь по возможности наиболее идеального результата в процессе воплощения своего знания и умения, то есть наилучшим способом реализовать свою потребность благодаря своей способности это сделать. Государственный деятель стремится построить идеальное государство, спортсмен стремится достичь идеальных показателей в своем виде спорта и т.д. Но всегда ли такое похвальное стремление приводит к желаемым результатам? Мы хорошо знаем, что далеко не всегда.

Иными словами, любая по своему конкретному содержанию деятельность должна сопровождаться не просто *идеальным образом предмета*, но и *идеальным образом способа действия с этим предметом* и *идеальным образом конечной цели этого действия*. И для того, чтобы образ еще не достигнутой цели стал, в конечном итоге, реальностью, да еще и «продуктом» высшего сорта, надо, чтобы и понимание цели и метод ее достижения тоже были идеальны, причем, идеальны уже в третьем смысле этого слова, в смысле причастности их к *идеалу* знания и умения действующего профессионала.

Нас могут упрекнуть, что мы отвлекаемся от внешних условий, помогающих или мешающих действующему профессионалу. Да, в идеальном варианте и они тоже должны быть идеальными, то есть безукоризненными. Но не это сейчас важно, а важно то, что все три формы проявления идеального оказались неотъемлемыми друг от друга моментами единой, целостной системы умного действия человека.

Выражение «умное действие» говорит о том, что труд человека одновременно и материален, и идеален.

Такая двойственность труда закономерно вписывается в ту мировоззренческую картину, и, соответственно, в ту содержательную логику описания и исследования этой картины, которые создал в свое время Бенедикт Спиноза. Согласно учению этого великого мыслителя, Природа, взятая в целом (он отождествляет ее с Богом), обладает и телесностью (протяженностью) и мышлением. Если Природа-Бог — это субстанция, то протяженность и мышление — это атрибуты субстанции. Исходя из того, что пишет Спиноза о субстанции, мы могли бы ее, по-видимому, отождествить с тем, что называем Универсумом, при условии, если будем считать его полностью самодовлеющим и самоорганизующимся: «Под *субстанцией* я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться. Под *атрибутом* я разумею то, что

ум представляет в субстанции как составляющее ее сущность» [2, с. 361]. Сущность же субстанции, по Спинозе, — это ее вечное и ничем не ограниченное существование.

Если софисты и многообразные их последователи, считают человека автономной и самодостаточной «мерой всех вещей», то Спиноза смотрит на этот вопрос совершенно иначе: «*Так как человек не существует от вечности, ограничен и подобен многим людям, то он не может быть субстанцией. Поэтому все его мышление — только модусы мыслящего атрибута, который мы приписали Богу. А с другой стороны, все его формы, движения и другие вещи относятся равным образом к другому атрибуту, приписываемому Богу*» [3, с. 111].

Итак, мышление человека — это *модус мыслящего атрибута субстанции*, а тело человека, его деятельная активность в совокупности со всеми предметами материальной культуры — это *модус протяженного атрибута субстанции*. Следовательно, человек (и труд как способ его существования и развития) является образом и подобием Природы-Бога и именно в том, что оба они обладают и телесностью и мышлением, с той лишь разницей, что Бог-Природа мыслит и действует «сам в себе» и «сам через себя», тогда как человеческие мысль и материальное действие лишь тогда успешны, когда совпадают с законами бытия Природы. Человек не может позволить себе своеволия и стать абсолютной мерой всего существующего. Вернее, он может приблизиться к тому, чтобы стать такой мерой, но только в том случае, если будет думать и действовать от имени субстанции, постоянно помня о том, что он живет в сфере действия ее законов и является ее «представителем»: «Под *модусом* я разумею состояние субстанции (Substantiae affectio), иными словами, то, что существует в другом и представляется через это другое» [2, с. 361].

В отличие от Спинозы, его гениальный современник Лейбниц полагал, что не только у человека, но и у каждого природного тела имеется своеобразная душа, которую он назвал *монадой*. То есть мышление, в понимании Лейбница, является лишь самым высшим и развитым свойством, присущим любому природному телу. Что же это за свойство? Это свойство Лейбниц именуется восприятием (перцепцией), а в высшем его состоянии — сознанием (апперцепцией). В отличие от Спинозы, Лейбниц данные монады тоже называет субстанциями, но это — субстанции сотворенные или производные, тогда как создающий их Бог является первичным Единством, или изначальной простой субстанцией [4, с. 421]. Поскольку же Бог не только создает монады, но и создает всеобщую гармонию, «в силу которой всякая субстанция точно выражает все другие субстанции путем отношений, какие она имеет к ним» [4, с. 423], «всякая монада по-своему есть зеркало универсума» [4, с. 424]. При этом монады по степени сложности строения их тел и отчетливости отражения ими универсума, делятся на монады неживых тел, монады живых тел (души, энтелехии) и монады, которые Лейбниц называет духами, или разумными душами. Первые из названных

монад суть неживые зеркала, «души вообще суть живые зеркала, или отображения универсума творения, а души, кроме того, суть отображения самого Божества, или самого Творца природы, и способны познавать систему вселенной и подражать ему кое в чем своими творческими попытками, так как всякий дух в своей области — как бы малое божество» [4, с. 428].

Таким образом, Лейбниц выявляет в содержательной логике Универсума всеобщее свойство, объединяющее все вещи природы, а, следовательно, могущее, в терминологии Спинозы, быть названным атрибутом. Свойство это — *отражение*. Причем это — не пассивное отражение, а отражение, вызывающее либо изменение восприятий монады, либо — материальное действие тела, обладающего данной монадой.

Автор статьи уверен в том, что именно феномен *отражения* и поможет ему в поиске *глубинного универсального основания идеального*.

Для начала логического процесса этого поиска и его образности хочется использовать небольшой, но очень поучительный для нашей темы, фрагмент одного из древнегреческих мифов.

Обратимся к тому моменту из мифологического повествования о Персее (герое, то есть сыне бога Зевса и женщины Данаи), когда тот разыскивает и убивает страшное чудовище горгону Медузу. Горгон, согласно древнегреческому мифу, было три. Они были сестрами, две из которых были бессмертными, а одна, по имени Медуза, была смертна. Однако, самое сложное в борьбе с таким, пусть даже и смертным, чудовищем состояло в том, что любой, умышленно или нечаянно взглянувший на горгону, сразу превращался в камень.

Но, оказывается, угроза окаменеть поджидала только того, кто увидит горгону, так сказать, «в натуре», то есть увидит вполне материальную горгону, тогда как ее зеркальное отражение, идеально представляющее чудовище, вполне безвредно. Знанием этого обстоятельства и воспользовался Персей и, получив отражение Медузы в своем зеркально отполированном щите, мечом отрубил ей голову, на которой вместо волос извивались и шипели ядовитые змеи.

Попробуем систематизировать присутствующее в рассказе о данной драматической истории различие понятий «отражение», «материальное», «идеальное» и их соотношений. Прежде всего, само слово «отражение» известно той своей двойственностью, суть которой Лейбниц в своей «Монадологии» хорошо выразил через связь отражения как изменения восприятий монады — с материальным действием тела, вызванного тем или иным восприятием его собственной монады. Отсюда мы можем говорить о том, что существуют и находятся в тесном, диалектическом взаимодействии два вида отражения:

1. отражение как *отпечаток* (например, отражение чего-нибудь в зеркале) и 2. отражение как *отбрасывание*, как *отражение* неприятеля, угрозы и т.д., а поскольку этот вид отражения не обязательно является агрессивным по отношению к отражаемому, а часто принимает характер конструктивного соглашения, назовем его более нейтрально

— *отражение-противодействие*. Итак, отражение-отпечаток и отражение-противодействие.

При этом, в обоих этих видах отражения присутствуют а) *материальный* и б) *идеальный* его моменты.

Отсюда, возможны четыре сочетания видов и моментов отражения: **1а, 1б, 2а, 2б.**

1а. Материальное отражение-отпечаток. Отражение как отпечаток в зеркале является физическим процессом, оптическим явлением, то есть *материальным* отражением уже отраженных от горгоны Медузы лучей солнца.

1б. Идеальное отражение-отпечаток. Картина отраженных от зеркальной поверхности материальных лучей света, будучи расшифрованной с помощью мозга и его продолжения — глаза, превращается в *идеальное* отражение, в идеальное, и потому безвредный, дубликат горгоны Медузы.

2а. Материальное отражение-противодействие. Искусное фехтование Персея мечом в одной руке и щитом — в другой, возымело своим результатом *материальное отражение* опасности возможного нападения чудовища.

2б. Идеальное отражение-противодействие. Материальное отражение-противодействие стало возможным потому, что ему предшествовало *отражение опасности идеальное*, то есть замысел и подробный план предстоящих действий (знакомое уже нам мысленное движение по логике предмета).

И тут же мы отчетливо видим, что идеальное как нематериальное теснейшим образом связано с идеальным как высшей степенью совершенства. Идеальное (совершенное) исполнение плана предстоящего подвига обязательно предполагает подобную же идеальность всех элементов действия Персея, начиная с совершенства, продуманности самого плана и совершенства психических и телесных качеств его исполнителя и кончая наличием таких условий успеха, как идеально (зеркально) отполированный щит, идеально острый меч и т.д.

Разговорный язык, именуя все стороны идеального одним и тем же словом, мудро запечатлевает в себе то, что одно значение «светится» в другом, является по сути своей лишь тем или иным моментом единой системы отражения, и без этого их единства идеальное как *возможность* никогда не превратится в идеальное как *действительность*. Столь же неслучайна, как мы видим, и двойственность значения слова «отражение».

Итак, мы, теперь уже с помощью универсального феномена и понятия *отражения*, продолжаем обосновывать свой категорический отказ от того мнения, что идеальное, понимаемое как идеал — это, якобы, совсем не то же, чем является идеальное, понимаемое как скрытый от чувственного восприятия смысл материального тела.

Отказ от этого «разделяющего» мнения представляется нам очень важным, так как способствует утверждению многогранности (единства во многообразии) понятия «идеальное».

Но как быть с универсальностью понятия идеального? Мнение, «умаляющее» роль идеального, тоже входит в серьезное противоречие с тем неоспоримым

фактом, что отражение свойственно всему на свете: и неживому, и живому, и мыслящему. А это «автоматически» означает, что не только материальная, но и *идеальная форма отражения присуща всему на свете*.

«Идеальное», таким образом, превращается в предикат любого, а не только социального, субъекта, в том числе и субстанции-субъекта: в бытии как таковом оно проявляет себя и как *идеальная форма отражения, присущая любой части или моменту бытия*, и как *идеальная форма самоотражения-самоутверждения Бытия-Субстанции*. Вторая из этих идеальных форм отражения — это как раз и есть то, что Спиноза называл мышлением Природы-Бога.

Итак, весь мир принципиально рефлексивен. Каждая вещь не только материальна, но и идеальна, поскольку она так или иначе незримо присутствует в других вещах и, наоборот, содержит в себе следы присутствия других вещей, когда либо взаимодействовавших с ней. Такие хранящиеся в любой вещи материально-идеальные отпечатки — это как бы шрамы былой борьбы и следы рукопожатий некогда произошедших встреч и компромиссов. И именно они, в конечном итоге, и формируют и постоянно подвергают испытанию видовой и родовой «эйдос», то есть сущность, вещи. Вот о чем в буквальном своем смысле говорит знаменитая гегелевская формула: «Всё действительное разумно, всё разумное действительно». Разумность любой вещи проявляется в ее способности идеального и материального отражения окружающего ее мира и в выдерживании конкуренции со стороны других вещей за право *быть*. Таким образом, можно видеть, что не только в человеческой деятельности, но и вне её и независимо от нее идеальное как идеал присутствует в идеальном как смысле и сути материального предмета в виде возможности идеального выражения последним своей сущности. «Воля к власти», — называл такое универсальное свойство вещей Ф. Ницше.

Для иллюстрации и окончательного подтверждения сказанного обратимся к так называемой «неживой» сфере природы. Зададим себе вопрос и попытаемся на него ответить: существует ли идеальное уже в этой сфере и выполняет ли оно и там свою функциональную привязанность к явлению отражения сообразно той схеме из четырех сочетаний, которую мы видели в истории подвига героя Персея?

Выберем на этот раз в качестве героя минерал с химической формулой SiO_2 . В зависимости от физического давления, оказываемого на него окружающей средой, а также — от температуры последней, он проявляет себя в виде различных своих модификаций: на земной поверхности и не очень глубоко от нее мы имеем обыкновенный кварц, а вот достаточно глубоко внутри планеты, а также при ударе крупного метеорита о землю, то есть в условиях огромных давлений и температур, кварц превращается в такие свои разновидности, как коэзит и стишовит. А когда последние снова попадают в условия поверхностных давлений, они начинают постепенно возвращаться в прежнее состояние. Атомы кремния и кислорода

при таких трансформациях либо приближаются друг к другу, либо удаляются.

1а. Отражение как материальный отпечаток заключается в данном случае как раз в этих вынужденных «танцах-перемещениях» атомов кремния и кислорода, каждая из относительно стабильных поз которых является, как выражаются некоторые исследователи, «свернутой, возможной информацией» о чем-то недоступном чувствам.

1б. Именно эта материальная форма отражения в минерале превращается в руках и глазах специалиста из возможной информации в действительную: в строении кристалла он «видит» незримое, но — и это принципиально важно подчеркнуть — *объективно* присутствующее в этом кристалле, например, — нехарактерную для поверхности земли физико-химическую среду, некогда породившую высокотемпературную разновидность SiO_2 . Реально этой физической среды уже нет, но идеально она в кристалле присутствует в виде отражения ее им посредством существенного сближения атомов кремния и кислорода.

2а. Способность минерала SiO_2 перестраивать свои атомы сохранила его химическую самоидентичность в экстремальных параметрах окружающей его среды, и этот факт мы можем назвать удачным *материальным отражением* разрушительного воздействия чудовищного давления.

2б. И, наконец, мы можем сказать, что предыдущее материальное отражение имело своим результатом то, что минерал *идеально* вписался в предложенную ему физико-химическую среду существования. И именно на подобные факты в своей полемике с Э.В. Ильенковым ссылался М.А. Лифшиц [5], доказывая, что идеальное как форма присутствует не только в социальном, но и в природном бытии. И поэтому, например, шарообразность — это действительно идеальная форма небесных тел, так как именно она позволяет этим телам идеально существовать в мире гравитации.

Философские концепции Спинозы и Лейбница, при всем их несходстве, содержат в себе общий тезис, заключающийся в том, что идеальное начало имманентно всему Бытию. Однако, современный философ должен соединить этот тезис с идеей эволюции, ставшей в наше время неопровержимым «эмпирическим обобщением». Широко известным вариантом такого синтеза выступает философия Пьера Тейяра де Шардена, одновременно являвшегося еще и выдающимся ученым-эволюционистом, рассмотревшим путь развития сознания «от альфы до омеги», выделившим и изучившим три последовательных, качественно различных стадии эволюции целеустремленного сознания («ортогенеза»): «преджизнь» (литосфера), «жизнь» (биосфера) и «феномен человека» (ноосфера). Последнюю стадию Тейяр де Шарден в своей книге «Феномен человека» делит на подстадии «Мысль» и «Сверхжизнь» [6].

Творческое наследие П. Тейяра де Шардена дает нам возможность принципиально по-новому, более конкретно, включиться в эстафету идей Спинозы, Лейбница, Гегеля, Хайдеггера и других философов,

стремившихся обосновать глубинную функциональную укорененность идеального в логике и истории Бытия.

Трудно сказать, в какой мере Тейяр осознанно опирался в своей эволюционистской философии на наследие Спинозы и Лейбница, но он явно продолжает и развивает важнейшую для Лейбница идею о том, что телесность всех вещей оказывается неразрывно соединенной с восприятием ими окружающего мира, в большинстве случаев напомиающим некое примитивное, как бы дремлющее, но постепенно пробуждающееся сознание. В отличие от монадологии Лейбница, в учении Тейяра де Шардена эта идея тесно связана с идеей эволюции — направленного развития от «свернутого», потенциального сознания неживого вещества (литосфера) через все более усложняющуюся реактивность живого (биосфера) — к человеческому сознанию, движущемуся к сфере разума (ноосфера).

Мы уверены в том, что родовым и «сквозным» термином-понятием, которое могло бы объединить и, тем самым, заменить собою такие понятия, как спиновское «мышление», лейбницеvские «перцепция» и «апперцепция», тейяровская «радиальная энергия», гегелевские «идея», «дух», «понятие» и др. — является именно «идеальное».

Однако не эта замена и даже не отказ от тех пониманий идеального, которые лишают его универсальности, являются конечной и самодостаточной целью нашей статьи. Главное для нас было доказать, что предельная универсализация понятия «идеального» помогает человеку трактовать смысл своего бытия не с позиций «своезакония и своемерия» [7, с. 324], а так, как полагается это делать относительно автономному, но все же далеко не абсолютному, субъекту бытия.

«И горе нам, — писал выдающийся ученый, развивавший учение В.И. Вернадского о ноосфере, Н.Н. Моисеев, — если мы нарушаем логику мироздания и действуем вопреки ей, если мы стремимся покорять Природу, т.е. выстраивать собственную логику, отличную от логики Природы, и стараемся следовать ей. Тогда нас ожидают деградация и гибель. Может быть, и не сразу, но зато и более мучительные, чем одномоментное исчезновение в результате ядерного катаклизма. И не отдельных людей, а всего рода человеческого» [8, с. 10].

Человек и его сознание — это всего лишь закономерный момент, часть беспредельной, неисчерпаемой Объективной Диалектики, в связи с чем смысл развития человечества состоит в «следовании и служении» последней [7].

Только зная направленность и закономерность развития идеального как атрибута Универсума, человечество сможет конкретно разобраться и со смыслом своего собственного существования и призвания.

Литература

1. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1962. — Т.2. — С.219-227.
2. Спиноза Б. Этика // Бенедикт Спиноза. Избранные произведения: в 2 т. — М.: Гос. издат. полит. лит-ры, 1957. — Т. 1. — С.359—630.
3. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // Бенедикт Спиноза. Избранные произведения: в 2 т. — М.: Гос. издат. полит. лит-ры, 1957. — Т. 1. — С.67—171.
4. Лейбниц Г.-В. Монадология / Сочинения: в 4 т.: Т.1. — М.: Мысль, 1982. — Т.1. — С.413—429.
5. Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном / Вопросы философии, 1984. — №10. — С.120—145.
6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека // Пер. с фр. — М.: Наука. — 1987. — 240 с.
7. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. — СПб: РГХИ, 1997. — 464 с.
8. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. — М.: Изд. МНЭПУ, 1998. — 227 с.

Івакін О. А. Багатогранність та універсальність феномену та поняття ідеального. — Стаття.

Анотація. Відмова від онтологічної універсальності ідеального на засаді інтерпретації його як феномену, що пов'язаний виключно з людською діяльністю не є безпечним, бо веде до трактування смислу людського життя з позицій індивідуального або колективного егоїзму. Спираючись на ідеї Спінози, Ляйбніца, Гегеля, Тейяра де Шардена та інших, що прагнули довести, що ідеальне глибоко і повсюдно вкорінене в Універсумі, автор статті свої пошуки універсальної основи ідеального пов'язує з феноменом відображення.

Ключові слова: ідеальне, ідеал, відображення, матеріальне, універсальне, сутність, субстанція, атрибут, модус

Ivakin A. A. Versatility and universality of phenomenon and conception of ideal being. — Article.

Summary. The negation of ontological universality of ideal being interpreted as phenomenon of human activity only is not constructive because it leads to interpreting the meaning of human life from the position of either individual or collective egoism. Being guided by the thoughts of Spinoza, Leibniz, Hegel, Teilhard de Chardin and other philosophers who aspired to prove that the ideal being is deeply and overall rooted in the Universe, the author of the article connects his search for the universal basis of ideal being with the phenomenon of reflection.

Key words: ideal being, ideal, reflection, material being, universal, essence, substance, attribute, modus.